

ми военнопоселянских хозяйств и продуманными действиями руководства поселений позволяло получать такие значимые результаты для экономики России первой половины XIX в., как ежегодная экономия от 2 до 2,5 млн. руб. серебром (1820—1850-е гг.).

Бывшие военнопоселянские хозяйства, имея достаточные материальные ресурсы и хорошие экономические возможности, доказали свою состоятельность и возможность стабильного развития и в последующий период. Материалы земской статистики второй половины XIX в. выделяли их особо, как более достаточные и развитые в хозяйственном отношении по сравнению с хозяйствами соседних территорий. Развитие военнопоселенной системы давало возможность государству сформировать одну из хозяйственных моделей позднефеодального периода — военнопоселянское хозяйство, — которая отличалась экономической состоятельностью и хорошими показателями развития всех ее составляющих и обеспечивала развитие продовольственной базы армии в первой половине XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подсчитано по: Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 405. Оп. 1. Д. 35, 23; Ф. 411. Оп. 1. Д. 540, 551.

² См.: К а н д а у р о в а Т. Н. Военно-поселянское хозяйство по посемейным спискам: социально-экономический аспект и опыт количественного анализа // Круг идей: развитие исторической информатики. Труды II конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 1995. С. 396—414; К а н д а у р о в а Т. Н. Системные звенья хозяйственной организации военных поселений кавалерии: военнопоселянское хозяйство // Формы сельскохозяйственного производства и государственного регулирования. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1995. С. 80—88.

³ Подсчитано по: РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 35, 23; Ф. 411. Оп. 1. Д. 540, 551.

⁴ Подсчитано по: РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 1472. Л. 16, 16 об.; Д. 929, 2044.

⁵ Там же. Ф. 405. Оп. 1. Д. 121. Л. 178, 178 об.

⁶ РГВИА. Ф. 405. Оп. 11. Д. 910. Л. 231.

⁷ Там же. Ф. 405. Оп. 2. Д. 6933. Л. 110.

⁸ Там же. Л. 134, 161 об.

⁹ Там же. Л. 162.

¹⁰ Там же. Ф. 405. Оп. 1. Д. 108. Л. 235.

¹¹ Подсчитано по: Ф. 405. Оп. 2. Д. 6933, 6970.

¹² РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 6933. Л. 134.

¹³ Там же. Д. 6970. Л. 239, 267, 299 об.

¹⁴ Подсчитано по: Ф. 405. Оп. 2. Д. 6933, 6970.

¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 8832. Л. 168—194; 225—254.

¹⁶ Проект учреждения о военном поселении регулярной кавалерии. Ч. 1—3. СПб., 1817—1822. С. 92; РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 88. Л. 762 об., 763. — «Положение о запасных магазинах в округах военного поселения 3-й и Бугской уланской дивизий»; Положение о военном поселении регулярной кавалерии. СПб., 1827. С. 16, 17.

¹⁷ Проект учреждения... С. 94.

¹⁸ Там же. С. 97.

Т. В. Соломенная, К. М. Ячменихин

Черниговский государственный
педагогический университет

А. А. АРАКЧЕЕВ — ПОМЕЩИК

**(К вопросу о роли субъективного фактора
в истории зажиточного помещичьего крестьянства России
первой половины XIX в.)**

Работа XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы продемонстрировала возрастающее внимание отечественных историков к субъективным факторам исторического процесса. В частности, были затронуты проблемы крестьянской ментальности и ее влияние на уровень хозяйственного развития. В условиях дореформенной России, когда подавляющая часть крестьянства воспринимала мир глазами священника и помещика, роль последнего в их хозяйстве и в быту была, несомненно, значительной. Просвещенный помещик, конечно, понимал, что основой его благосостояния является зажиточное крестьянское хозяйство, способное в полном объеме нести повинности, и поэтому предпринимал определенные меры для его стабильного функционирования. Не будем вдаваться в проблему критериев зажиточного крестьянского хозяйства. Отметим только, что, по нашему мнению, это понятие носит конкретно-исторический характер, и его критерии зависят от места и времени, т.е. должны интерпретироваться через призму историзма.

На фоне полного отсутствия историографических работ, касающихся нашего героя, мы ставили скромную задачу: восполнить этот пробел в части его деятельности как помещика. А насколько актуальным является историографический анализ проблемы, свидетельствуют сотни разнообразных работ, посвященных А. А. Аракчееву, при этом бросается в глаза отсутствие работ монографического характера, где данная проблема решалась бы комплексно. На уровне статей такие работы появились только в начале XX века¹, затем последовал длинный перерыв, и только в последнее десятилетие здесь наблюдается значительная активизация².

В истории изучения деятельности А. А. Аракчеева как помещика можно условно выделить несколько этапов: первый — 1850-е — 60-е гг., когда идет накопление источников, имеющих преимущественно личное происхождение (записки, письма, воспоминания), и начинается их критическое осмысление; второй — 1870-е — начало XX в., когда значительно расширяются источниковая и методологическая базы исследо-

ваний и появляются первые работы, содержащие относительно комплексный анализ; третий — 1920-е — 1970-е гг., наиболее «потерянный» в исследовательском плане период, когда А. А. Аракчеев упоминается в работах общего характера лишь для того чтобы подчеркнуть реакционный курс правительства Александра I после Отечественной войны 1812 г. Единственным исключением является работа П. Богдановича, выпадающая из этого ряда, поскольку была издана за границей³; четвертый этап — с начала 1980-х гг. — связан с попытками систематического изучения истории военных поселений.

Одной из первых публикаций, где рассматривается деятельность А. А. Аракчеева как помещика, является работа Н. К. Отто⁴, который в 1860-х гг. работал преподавателем в Новгородской гимназии и сумел воспользоваться обширным архивом графа, который в большей своей части находился тогда в с. Грузине. Один из разделов его труда так и называется: «Сельское хозяйство и порядки, заведенные Аракчеевым в Грузинской вотчине». Говоря об истории Грузинской вотчины, Н. К. Отто отмечает, что Аракчееву «особенно льстило то обстоятельство, что прежним владельцем Грузина был А. Д. Меньшиков, и «новый грузинский помещик⁵, тоже суровый и непреклонный, хотел сохранить память о прежнем владельце».

Будучи человеком деятельным, последовательным и целеустремленным, Аракчеев решил «показать на своем поместье пример аккуратного и образцового... хозяйства и почти 40 лет без устали и с особенной энергией преследовал свою цель»⁶. Вотчину же он принял в плачевном состоянии как в хозяйственном, так и бытовом отношении. Н. К. Отто констатирует, что методы его работы были хорошо апробированными практикой: регламентация, система наказаний и поощрений⁷. Пытаясь встать на объективную точку зрения, автор, как правило, избегает оценочных моментов деятельности графа, а только констатирует исторический факт. Думается, что в тех условиях, когда крестьянин жил в рамках повседневных обычаев, когда все новое приживалось в его сознании с большим трудом, методы принуждения и строгой регламентации были едва ли не единственным средством к повышению его благосостояния. Не эта ли мысль владела Александром I, когда он предпринял робкие шаги в области реформирования крестьянского вопроса и когда он был сверхнастойчив в деле создания военных поселений?

На фоне разнообразных мер, предпринятых А. А. Аракчеевым в деле повышения благосостояния крестьянских хозяйств вотчины, Н. К. Отто констатирует его несомненные успехи: на 650 хозяйств в 1818 г. приходилось около 1500 лошадей, 4000 коров и 2700 овец. Все эти данные автор объясняет тем, что сам Аракчеев не мыслил о своем обогащении,

«но более всего заботился о благосостоянии крестьян, вверенных Богом и правительством его попечению»⁸. Основы и методы «полицейского государства», заложенные еще Петром I, продолжали в определенной мере срабатывать, хотя уже и появляются ростки буржуазного типа: в вотчине функционировал Мирской заемный банк, до 30 крестьянских семейств занимались торговлей, многие зарабатывали отходом, т.е. в определенной степени отрывались от сельскохозяйственного производства и крестьянского быта.

В литературе в вину А. А. Аракчееву неоднократно ставили и ставят его многочисленные инструкции и приказы, регламентирующие все стороны жизни крестьян. Особенно часто авторы возмущались по поводу наставлений матерям, как ухаживать за младенцами, как выбирать женихов и невест. Во-первых, граф заботился о пополнении хозяйств рабочими руками (а здесь крылась и его собственная выгода), а во-вторых, необходимо напомнить, что крестьянские браки в то время заключались не по любви, а по расчету. И если взять отдельное зажиточное крестьянское хозяйство в имении Аракчеева, то, как правило, в нем насчитывалось до 4-5 работников и соответственно этому имелось значительное количество надельной земли, что позволяло в определенной степени выходить за рамки натурального хозяйства⁹.

Н. К. Отто все-таки грешит против истины, утверждая, что «от аракчеевского гнета и строгих порядков мужики и даже бабы спасались бегством...». Статистические данные свидетельствуют, что в среднем за год бежало не более 2-3 человек¹⁰. В целом же заметки Н. К. Отто ценны прежде всего тем, что несут богатую информацию (хотя в некоторой части она требует уточнения), а также своей попыткой объективно разобраться в такой сложной и противоречивой личности, как А. А. Аракчеев.

Историческая наука в России второй половины XIX — начала XX в. уделяла значительное внимание эпохе Александра I, а значит и нашему герою, но, как правило, Аракчеев характеризуется как государственный и военный деятель и только в некоторых специальных работах содержатся упоминания о нем как помещике¹¹. Практически все авторы сходятся на том, что уровень жизни крестьян Грузинской вотчины был достаточно высоким на фоне остальной помещичьей деревни, и достигалось это во многом за счет рационального управления имением А. А. Аракчеевым и его вотчинной администрацией.

Значительным вкладом в историографию проблемы являются работы А. А. Кизеветтера, который сумел с позитивистских позиций подняться над констатацией факта к интересным обобщениям, используя различные методы исследования, в том числе и метод психологическо-

го анализа. А.А. Кизеветтер настаивал на том, что «Аракчеев был великим мастером по части сооружения вокруг себя декоративно показного благоденствия», хотя и не отказывает ему в осуществлении ряда мероприятий, позитивно отразившихся на благосостоянии крестьян вотчины: основание Мирского заемного банка «для выдачи крестьянам беспроцентных ссуд на приобретения скота и на хозяйственные постройки»¹², учреждение госпиталя, противопожарные мероприятия и т.д.

Но с точки зрения либерально настроенного историка начала XX в., методы управления, в основе которых лежало «мучительство и тиранство»¹³, не могли быть оправданы ни под каким видом. Автор явно впадает в исторический модернизм, поскольку не хочет принять концептуально позитивные черты романтической историографии, настаивающей на том, что исследователь, «погружаясь» в эпоху, освещая ее изнутри, учитывает ее специфические черты и свойства. В конце концов, А.А. Кизеветтер вслед за Н.К. Шильдером и великим князем Николаем Михайловичем встает на позицию откровенно негативной оценки А.А. Аракчеева и как личности и как государственного деятеля.

В советский период имя графа Аракчеева не просто уцелело в историографии, но заработало с небывалой прежде интенсивностью. Произошло парадоксальное явление: заимствуя негативный «образ» Аракчеева из дореволюционной историографии, апологеты новой власти и победившей методологии исторического материализма использовали его для обличения самодержавия¹⁴, а противники этого строя, в свою очередь, обличали новую власть в том, что она использует аракчеевские приемы и методы для построения «светлого будущего», в том числе и в колхозной деревне.

Только в 80-х годах, в связи с началом систематического изучения истории военных поселений, целый ряд исследователей, в том числе и один из авторов этой статьи, обратился к строго научному, незаидеологизированному исследованию личности Аракчеева и его роли в формировании внутривластного курса России первой четверти XIX в.

В итоге удалось, как нам кажется, доказать, что это был государственный консервативного толка, вполне органично вписавшийся в свое время, в том числе и по менталитету¹⁵.

Восприняв идеи многофакторности исторического процесса, современная историография уделяет много внимания роли личности в истории, в том числе и истории крестьянства. Именно с таких позиций подходит к проблеме В.А. Федоров, убедительно доказывая, что Аракчееву в своем имении удалось создать предпринимательское, ориентированное на рынок хозяйство¹⁶. Во многом это было достигнуто за счет рации-

ональной организации хозяйства и быта крестьян их владельцем. Аналогичной концепции придерживаются В.А. Томсинов и один из авторов настоящей публикации¹⁷.

Итоги изучения проблемы свидетельствуют, что многие ее аспекты, особенно в последнее время, нашли свое разрешение. Но в то же время остаются неизученными такие сюжеты, как структура хозяйства Грузинской вотчины; динамика ее развития, в том числе и после смерти А.А. Аракчеева в 1834 г.; его экономические взгляды. Требуют детального сравнения методы управления имением и военными поселениями в хозяйственном ракурсе. Практически ничего не сказано в литературе о других владениях А.А. Аракчеева, например, в с.Курганах Тверской губернии, которое досталось ему после смерти матери в 1820 г. Очень много путаницы в родословной Аракчеевых и т.д. Только систематический поиск новых материалов в архивохранилищах страны и их системный анализ помогут решить эти проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кизеветтер А.А. Аракчеев // Русская мысль. 1910. №11. С. 42—72; №12. С. 1—31; Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчеев в их взаимоотношениях // Русская мысль. 1911. № 2. С. 1—33; Якушкин В.Е. Сперанский и Аракчеев. — М., 1916; Коваленко А.Ю. Роль А.А.Аракчеева в управлении военными поселениями // Вопросы отечественной истории и историографии: Межвуз. сб. научных трудов. Вып. 3. М., 2000.

² Томсинов В.А. Временщик (А.А. Аракчеев). М., 1996; Федоров В.А. А.А.Аракчеев (1769—1834) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8 «История.» 1993. №3. С. 54—74; Федоров В.А. М.М.Сперанский и А.А.Аракчеев. М., 1997; Ячменихин К.М. Алексей Андреевич Аракчеев // Вопросы истории. 1991. №12. С. 37—50; Ячменихин К.М. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. М., 1997. С. 17—62.

³ Богданович П. Аракчеев. Граф и Барон Российской империи (1769—1834). Буэнос-Айрес, 1956.

⁴ Отто Н.К. Черты из жизни графа Аракчеева // Древняя и новая Россия. 1875. Т. I. С. 95—102, 293—301, 376—393; Т. II. С. 165—182; Т. III. С.162—185.

⁵ Грузинская вотчина была пожалована А.А. Аракчееву императором Павлом I 12 декабря 1796 г. и включала около 2000 душ м.п.

⁶ Отто Н.К. Указ. соч., Т. 1. С. 376.

⁷ Там же. С. 381—382.

⁸ Там же. С. 392.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф.154. Оп. 1. Д.270. Л. 1—68; Д. 326. Л. 2—46.

¹⁰ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. I—VI. СПб., 1868—1872; Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование, СПб., 1898. Т. IV; Шиман Т. Александр Первый. СПб, 1911; Николай Михайлович (Романов). Император Александр I. Опыт исторического исследования, 2-е изд. Пг., 1914; М., 1999.

¹¹ Глебов П. Слово об Аракчееве // Военный сборник. 1861. № 6. С. 455—466; Словский (Богословский Н.Г.) Рассказы о былом. Новгород, 1865; Художественная

Россия. Общедоступное описание нашего Отечества. Т. 1 / Изд. П. Н. Полевого. СПб., 1884. С. 27—35; Ш и р я е в Н. Аракчеевское поместье // Русская старина, 1893. Т. 79. С. 408—412; Я к у ш к и н В. Е. Сперанский и Аракчеев. М., 1916.

¹² К и з е в е т т е р А. А. Аракчеев // Русская мысль. 1910. №11. С. 66.

¹³ Там же. С. 67.

¹⁴ Т о м с и н о в В. А. Временщик (А. А. Аракчеев). М., 1996; С. 5; Г е с с е н С. Я. Аракчеевская барщина. М., 1934; К у н к л ь А. А. Аракчеевщина. М., 1929.

¹⁵ Из новейших работ, посвященных А. А. Аракчееву, вынуждены обратить внимание на публикации А. Ю. Коваленко, которые носят откровенно компиляционный характер, а подчас грешат и откровенным плагиатом. Это можно элементарно доказать сравнив ее работу «Роль А.А. Аракчеева в управлении военными поселениями» с любой из работ К.М. Ячменихина, посвященных Аракчееву.

¹⁶ Ф е д о р о в В. А. Сперанский и Аракчеев... С. 80.

¹⁷ Т о м с и н о в В. А. Указ. соч. С. 74—78; Я ч м е н и х и н К. М. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. С. 28—32.

С. А. Козлов

Институт российской истории РАН

ТРАДИЦИИ ПАТЕРНАЛИЗМА И СЕЛЬСКИЙ «МИР» В СЕРЕДИНЕ XIX в.: ТАМБОВСКИЙ СТАРОСТА К. Ф. ПЕТУХОВ О ПОДГОТОВКЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 г.*

Вопросы, связанные с подготовкой реформы 1861 г. в губерниях Центральной России, привлекают в последние годы пристальное внимание российских историков¹. В то же время позиция представителей зажиточного крестьянства региона накануне реформы, включая попытки защитить собственные и помещичьи интересы и вместе с этим сохранить традиционные устои сельского «мира», еще не становилась объектом специального исследования.

Проанализируем источник, ранее не использованный в научных трудах, — опубликованное в 1858 г. отдельной брошюрой письмо сельского старосты К. Ф. Петухова помещику И. П. Белкину, в котором содержится ценный материал, касающийся традиционного крестьянского менталитета середины XIX в. Полное название данной книги весьма показательно: «Письмо села Никольского старосты Кузьмы Федорова Петухова к помещику своему И. П. Белкину о бывшей в селе Никольском мирской сходке насчет улучшения крестьянского бытия. Написано

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 01-01-00082а).

для простого народа, чтобы уразумели все, какая для крепостных людей перемена будет» (М., 1858). Цена книги объемом 96 страниц составляла 15 коп. сер. В самом тексте нет прямых указаний на конкретную провинцию, однако данные топонимики позволили установить, что речь идет о с. Никольском Тамбовской губернии². Автор письма — 78-летний зажиточный крестьянин, почти 30 лет занимавший должность старосты, человек, как он сам пишет, «бывалый и грамотный», пользовавшийся огромным авторитетом среди местных крестьян. Это уважение основывалось прежде всего на твердом соблюдении Кузьмой Петуховым старинных общинных традиций, его огромном жизненном опыте и глубокой набожности: «...хоша завсегда пребывал крепостным крестьянином и служил господам своим верою и правдою, а мироедом и наушником никогда не бывал, — отмечает он, — и всех судил по чести и по Божески...; ныне же... от службы миру и господам не отказывается³. Для того, чтобы еще более «расположить к себе» читателя-крестьянина, автор сообщает и другие интересные для нас подробности. Так, мы узнаем, что К. Петухов был активным участником Отечественной войны 1812 г., получил в ходе военных действий два ранения; «весьма силен в чтении Священного Писания, и в толковании Жития Святых Отцев, и имеет великий разум во всяком церковном поучении», а также неоднократно совершал «далекие странствия» на богомолье⁴. Помимо этого, К. Петухов отмечал, что он «весьма исправен в толковании законов и в писании всяких приказных бумаг». Характерно, что староста стоял во главе большой патриархальной семьи из 37 человек, живущей в двух избах при еще нераздельном хозяйстве «весьма богато» и строго придерживавшейся старинных крестьянских семейно-бытовых устоев⁵.

Все эти подробности преследовали определенную цель — внушить читателям-«простолюдинам» мысль о том, что брошюра написана не «баринном», а человеком «своим», опытным, авторитетным и набожным крестьянином, мнению которого можно всецело доверять. С этой же целью сообщалось, что К. Ф. Петухову помогал писать данное письмо священник с. Никольское П. А. Ласточкин.

В своем письме Петухов подробно описывает помещику, постоянно проживавшему в Москве, ход крестьянской сходки, на которой обсуждались разнообразные вопросы будущей крестьянской реформы. Сходка была организована по приказу помещика, «чтобы без всякого таинства, и с рассудком поговорить... всем миром насчет... освобождения крестьянства, и каких порядков следует ожидать, и чему верить, и чему не верить...»⁶. В ней приняли участие и жители соседних деревень, включая даже крестьянок, что было нетипично для того времени. Как отмечал в своем письме К. Ф. Петухов, поскольку его помещик «изволил про-